
Изучение религии, а не пропаганда атеизма

© 2020 г. И.И. Ершова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

E-mail: i.manankova@gmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/IrinaErshova/>

Поступила 20.01.2019

Статья посвящена исследованию трудов М.П. Новикова (1918–1993) в аспекте его прогнозов относительно тенденций развития отечественного православного богословия. Показано, что только намечавшиеся в 1870-е гг. тенденции, выделенные Новиковым, в полной мере реализовались в настоящее время: новые акценты в трактовке догматических положений, расширение области горизонтального богословия, привлечение идей богословов и философов, в том числе тех, которые ранее оценивались как маргинальные, а также обращение к опыту религиозной философии, развивавшейся вне православной традиции. Тогда же начало изменяться отношение к иным религиозным традициям, усилилось внимание к социальной проблематике, вопросам экологии и др. Отмеченные Новиковым новые явления в богословии, как он и предсказывал, определили магистральную линию развития православного богословия и его современное лицо. М.П. Новиков учитывал тенденции в разных ветвях богословия в мировом масштабе, пользовался принятой и сейчас научной методологией. Религиоведение выполняло свойственную науке прогностическую функцию и в советские времена, даже называясь научным атеизмом. Идеи М.П. Новикова полезны и в наше время. Во-первых, следует сохранять методологический подход – рассмотрение отечественных общественных процессов в контексте мировых. Во-вторых, следует признать, что модернизационные процессы не являются следствием чьей-то воли и иных субъективных факторов, что они возникают с необходимостью и подчиняются объективным закономерностям. В-третьих, следует аккуратно выделять главные особенности в богословских оценках общества и истории. Последнее особенно сложно, поскольку предполагает абстрагирование от актуального общественного значения конкретных богословских текстов и превращение их в предмет научного исследования. В этом отношении опыт советского религиоведения ценен и заслуживает изучения.

Ключевые слова: религиоведение, атеизм, история Русской православной церкви, М.П. Новиков.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-110-119

Цитирование: *Ершова И.И.* Изучение религии, а не пропаганда атеизма // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 110–119.

The Study of Religion, not Atheism Propaganda

© 2020 Irina I. Ershova

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

*E-mail: i.manankova@gmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/IrinaErshova/>*

Received 20.01.2019

The article is devoted to the study of the works of Mikhail P. Novikov (1918–1993) in the aspect of his forecasts regarding the development trends of modern Orthodox Russian theology. It is shown that only the trends outlined in the 70s of the last century have been fully realized at the present time. Novikov highlighted them: new accents in the interpretation of dogmatic positions, the expansion of the field of horizontal theology, the attraction of ideas of theologians and philosophers, including those previously assessed as marginal, as well as, appeal to the experience of religious philosophy that developed in the bosom of the non-Orthodox tradition. At the same time, the attitude to other religious traditions began to change, there was increased attention to social problems, environmental issues and so on. The new phenomena in theology highlighted by Novikov were not an accident, but, as he predicted, determined the main line of development of Orthodox theology and its modern face. Novikov analyzed the texts, took into account the trends in different branches of theology on a global scale, used standard scientific methodology. Religious studies performed a predictive function peculiar to science in Soviet times, even being called scientific atheism. Novikov's ideas are useful in our time. First, it is necessary to preserve the methodological approach – the consideration of domestic social processes in the context of the world. Secondly, it should be recognized that modernization processes are not the result of someone's will and other subjective factors, that they arise with necessity and obey objective laws. Thirdly, it is necessary to carefully highlight the main features in the theological assessments of society and history. The latter is particularly difficult, since it involves abstracting from the actual social significance of specific theological texts and turning them into the subject of scientific research. In this respect, the experience of Soviet religious studies is truly invaluable and should be studied.

Keywords: Religious Studies, Atheism, History of Russian Orthodox Church, Mikhail P. Novikov.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2–110–119

Citation: Ershova, Irina I. (2020) 'The Study of Religion, not Atheism Propaganda', *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 110–119.

В интервью религиоведа, библеиста, профессора Центра изучения религий РГГУ А.И. Шмаиной-Великановой говорится: «Религиоведение появилось недавно, своих диссертационных советов не имеет. В советское время, насколько я понимаю, оно было внутри истории... В “позднесоветское” время усилиями наших замечательных мифологов и религиоведов был создан великий монументальный труд “Мифы народов мира”, энциклопедия, которой наша культура может гордиться. Авторы энциклопедии свою духовную стойкость (помимо своих научных знаний и талантов) вложили в то, чтобы писать в советских условиях без оглядки на установку разоблачать религию, мифологию и т. д. Изучать, а не разоблачать – такой девиз» [Шмаина-Великанова 2017].

Как видно из приведенного отрывка, даже профессиональные религиоведы или не знакомы с работами религиоведов советского периода, или недооценивают их, что обуславливает необходимость обращения к наследию отечественных ученых.

Наука о религии в нашей стране всегда испытывала серьезное идеологическое давление: до 1917 г. по одним причинам, после – по иным. Однако это не значит, что религиоведческая проблематика не разрабатывалась научными средствами в рамках самых различных дисциплин, в том числе в рамках дисциплины, носившей название «научный атеизм». Глубокие и серьезные работы были написаны не только по проблемам истории религии, психологии религии и пр. Ценные научные результаты были достигнуты и в области теоретических разработок, на уровне философии, методологии исследований, общей теории религии. В наши дни, когда термины «материализм», «марксизм» и даже «атеизм» перестают, наконец, восприниматься как одиозные, а ссылки на решения съездов партии или на задачи атеистической пропаганды в книгах советского периода оцениваются молодым поколением как дань времени, пора непредвзято и объективно оценить действительно важные теоретические и методологические идеи отечественных религиоведов XX в. В том числе, думается, могут быть «заново открыты» работы крупного ученого Михаила Петровича Новикова.

На наш взгляд, особенно интересным и недооцененным является прогностический аспект его научного творчества. М.П. Новиков оставил ценные наблюдения, отслеживая новейшие в то время тенденции в развитии православия, не только выявив векторы разработок богословами целого ряда религиозно-философских идей, но и проанализировав причины предпринимаемой модернизации, ее возможные перспективы, факторы, обусловившие интерес православных теоретиков к конкретным проблемам. Насколько верными оказались эти наблюдения, стало видно в наше время, когда в полной мере обнаружилось и развились тенденции, проявившиеся в сочинениях некоторых православных богословов 1970-х гг.

Анализируя состояние православной идеологии того времени в целом, М.П. Новиков пришел к выводу, что модернизация православной идеологии, несмотря на ее противоречивость и противодействие ей со стороны традиционалистов, является определяющей тенденцией в православии с конца 1960-х гг. Он видел основания полагать, что эта тенденция останется преобладающей и в дальнейшем [Новиков 1979, 4]. По Новикову, начавшаяся модернизация – не временное явление: она затронула трактовку догматических формулировок, внесла изменения в культовую практику, отразилась на отношении к другим христианским и нехристианским церквям, к проблемам войны и мира и т. д. [Шмаина-Великанова 2017, 3]. Если прежде обновление касалось лишь отдельных анахронизмов в богослужебной практике, в трактовках текстов и догматических принципов, а общей концепции еще не было выработано, то в 1970-е произошел качественный сдвиг. Перед православным богословием встала задача перейти к выработке общих принципов обновления всех аспектов вероучения и культа, которые могли бы стать методологической базой современной апологетики [Там же, 17]. Уже в конце 1970-х стали действовать факторы, предопределившие, например, работу над «Основами социальной концепции Русской православной церкви» в середине 1990-х и принятие ее в 2000 г., а также появление целого ряда церковных документов последнего времени, затрагивающих мировоззренческие и методологические основы православия.

Представляется крайне важным, что объясняя причины возникших тенденций в идейном развитии православия, М.П. Новиков, последовательно придерживаясь марксистской методологии, показывал их связь не с субъективными особенностями и желаниями отдельных людей, а с объективной ситуацией. В числе причин выступают социальные факторы, мировоззренческие последствия научных открытий, общий кризис религии, распространение массового атеизма и др. Отмечая особенности социального строя, влияющего на массовое сознание, а также и на религиозные учения в нашей стране, Новиков тем не менее имел в виду и общемировые тенденции. Такой объяснительный подход значительно продуктивнее, нежели встречающиеся сейчас поверхностные суждения о роли личностей в церковном руководстве или о последствиях

атеистической пропаганды в СССР как о главных причинах нынешней картины религиозности. Имеют место, например, крайне сомнительные объяснения безрелигиозности значительной части населения СССР тотальной ложью советской идеологической пропаганды.

Анализ религиозной ситуации в нашей стране в контексте общемировых процессов позволяет исследователю заметить причинно-следственные связи на макроуровне. Его подход также дает возможность экстраполировать обсуждаемые зарубежными авторитетными богословами ключевые идеи и самонаблюдения, разъясняющие магистральные тенденции развития общественного сознания, на аналогичные явления в нашей стране, разумеется, с необходимыми поправками. Сравнивая кризис зарубежного либерального протестантизма и кризис православия в условиях социалистического общества, М.П. Новиков делает вывод: «...в том и другом случае кризис религии и теологии был отражением кризиса религиозного сознания, всего образа мысли верующих, был вызван неспособностью религиозных организаций оказать влияние на развитие социальных процессов» [Шмайна-Великанова 2017, 47]. В такой ретроспективе становится предсказуемым направление дальнейшего развития религиозной мысли. Ответом в такой ситуации могло быть обращение богословов к основам и истокам с целью осмысления их в новых жизненных реалиях, отделения действительно принципиально важного от временного, исторического. Еще одним важным последствием стало возрастание социальной активности религиозных организаций, что мы и видим все последние годы.

Новиков учитывает и субъективные факторы. Например, он отмечает существенное значение обновления профессорско-преподавательского состава духовных семинарий и академий в 1960-е гг. Люди, выросшие и воспитанные в иных общественно-исторических и церковно-религиозных условиях, нежели их сошедшие со сцены наставники, оказались лучше подготовлены к реалиям современного мира. Они понимали историческую обусловленность некоторых составляющих образа мышления, были готовы, например, обсуждать проблемы соотношения догматического и научного подхода к изучению Писания, выявления и изучения человеческих элементов в Библии, пересмотра догматических представлений [Там же, 4].

Говоря о сути принципа «умеренного обновления», ставшего актуальным в 1970-е гг., Новиков писал: «Главной его задачей является разработка такой апологетики, которая по всем основным характеристикам могла бы быть соотнесена с научными, нравственными, общественно-историческими и социально-экономическими представлениями верующих и неверующих людей нашего времени». Эта позиция тогдашнего богословия отражена в рассуждениях о необходимости «выражения истины Евангелия в новых и убедительных категориях, которые были бы доступны пониманию современного человека» [Там же, 151]. Но как возможно реализовать такую задачу? М.П. Новиков, анализируя модернизационные тенденции 1970-х, указал на расширение сферы «горизонтального» богословия. «В начале 70-х годов православные идеологи вслед за своими протестантскими и католическими коллегами стали разграничивать проблемы так называемого “вертикального” и “горизонтального” богословия. Вертикальным они предложили называть тот его аспект, который связан с идеей Бога и основными догматическими представлениями. В понятие же “горизонтального” богословия они включили весь комплекс современных общественно-исторических и социально-политических проблем, которые затрагивают интересы как верующих, так и неверующих людей, все то, что относится к личной и общественной жизни человека, к эстетическим, нравственным и иным вопросам. “Горизонтальное” богословие – это все многообразие социальных проблем, преломленное через призму христианского вероучения» [Там же, 58]. В отличие от критикуемого богословами протестантизма, в православной интерпретации двух уровней является несомненным положение об определяющем значении «вертикального» богословия. Анализ богословских текстов приводит Новикова к выводу, что «вопрос о соотношении “вертикальных” и “горизонтальных” богословских проблем сводится в конечном счете к обоснованию религиозных представлений

об определяющей роли провиденциальных начал в личной и общественной жизни человека, а в ретроспективном плане – во всем процессе исторического развития» [Шмагина-Великанова 2017, 59].

Метод М.П. Новикова, будучи примененным к анализу современных попыток создания научной теологии, позволяет охарактеризовать последние как возрождение модернизационного проекта 1970-х гг. Фактически речь идет о дальнейшем расширении сферы «горизонтального» богословия (при сохранении безусловного значения «вертикального») за счет включения в его поле областей, ранее отсутствовавших.

Суть принципиального подхода православных богословов 1970-х гг. к вопросам «горизонтального уровня» Новиков изложил так: «Какие бы социальные, нравственные, эстетические и иные проблемы ни анализировались с точки зрения их объективной значимости, их нельзя обособлять от проявления в мире сверхприродной абсолютной сущности. Всякая человеческая деятельность, которая хочет обрести всеобщее признание, стать общезначимым фактором, должна получить религиозное осмысление» [Там же]. Таким образом, встает вопрос о разработке концепции, которая бы обеспечивала такое осмысление, осуществляла переход от одного уровня к другому. И православные богословы 1970-х в поисках идей обращаются к арсеналу религиозной философии.

Оценивая интерес богословов к религиозно-философским спорам конца XIX – начала XX вв., Новиков отмечает: «Нынешние поборники обновления православия используют идеи и славянофилов, и неохристиан, и особенно тех богословов, которые занимали в прошлом умеренные позиции» [Там же, 16]. Начиная с 1971 г., когда на Поместном соборе было снято проклятие со старообрядцев, «стало видимым преодоление былого представления об истинности только православия и ложности других христианских учений», что, по мнению Новикова, повлекло за собой и пересмотр отношения тогдашнего православия к ряду католических и протестантских философско-богословских концепций.

Анализируя отношение православных богословов 1970-х гг. к философскому наследию XIX – начала XX вв., сформировавшемуся в русле православной традиции, к религиозно-философским теориям иных направлений, М.П. Новиков отмечал перемены в оценках тех или иных проблем, сосредоточение внимания на отдельных нюансах, вызвавших наибольший интерес. На основе этого анализа мы уже можем обнаружить наметившиеся основные тенденции дальнейшего развития богословской мысли. Новиков подробно разбирает идеи, заимствованные из разных учений, связанных с православной традицией, описывая в деталях моменты переосмысления понятий, положений, концепций, оказавшихся особенно востребованными для решения поставленной задачи модернизации. Не перечисляя все рассмотренные в книге концепции, обратимся лишь к некоторым наиболее значимым моментам.

М.П. Новиков указывал, что современные православные авторы особенное значение придают концепции П.А. Флоренского. Разработанный Флоренским принцип антиномизма применительно к православной апологетике стал «одним из основополагающих принципов православного модернизма». Н. Зернов назвал самой значительной заслугой перед церковью идею, что истина догматов может быть познана только через посредство живого религиозного опыта. В.В. Зеньковский расценивал антиномизм Флоренского как попытку сблизить или даже по возможности отождествить веру и знание. Антиномизм разрабатывали последователи Флоренского, например, Н.А. Заболотский, применительно к ряду современных проблем [Там же, 18–22].

Как заметил М.П. Новиков, одним из аспектов модернизации православного учения было обращение к проблемам христианской антропологии: на первый план выступала необходимость переосмысления, по крайней мере переформулирования, устаревших терминов, описывающих понимание человека, в современном ключе. Разработка проблематики христианской антропологии в 1970-е гг. опиралась на идеи В.С. Соловьева, П.Я. Светлова, В.И. Несмелова, В.Д. Кудрявцева-Платонова, М.М. Тареева, А.М. Туберевского. Особо важное место в разработке антропологических вопросов заняли труды С.Н. Булгакова, В.Н. Лосского, В.Ф. Войно-Ясенецкого. Новиков основа-

тельно изучает следы влияния предшествующих религиозных философов на сочинения православных богословов советского периода. Работы В.Ф. Войно-Ясенецкого имели большое значение и для гносеологических разработок в рамках православной мысли. Его концепция кардиоцентризма опиралась на идею интуитивного познания А. Бергсона. Интуитивизм в бергсоновом ключе разрабатывали ранее Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Д.В. Болдырев, С.А. Левицкий, и, по мнению М.П. Новикова, его в соответствии с задачами православного модернизма возродил Войно-Ясенецкий.

Важными для понимания процесса модернизации православия тех лет являются теоретические изыскания М.П. Новикова относительно интерпретации тогдашними богословами проблем соотношения религии и духовной культуры. Прежде всего, Новиков выявляет идейные истоки этой интерпретации, прослеживая влияние славянофилов, В.С. Соловьева и М. Вебера [Шмайна-Великанова 2017, 126]. У славянофилов заимствуется представление о том, что «религия... оказывается связанной с наиболее значительными духовными движениями современности». У Вебера оказывается привлекательной идея социально-экономического воздействия вероучения на культуру.

Не прошло мимо внимания Новикова широко распространенное в 1960-е – 1970-е гг. увлечение и богословов разных конфессий, и части светской интеллигенции идеями П. Тейяра де Шардена. Среди неправославных христианских концепций тейярдизм привлекает особый интерес православных богословов той поры. Новиков показал, что православные авторы, не принимая, конечно, учения целиком, с интересом и в целом благожелательно обсуждают некоторые его идеи, например, попытку синтеза религиозной и научной картины мира, рассмотрение творения в динамике и непрерывности, как эволюции, монизм, понятие радиальной энергии и др. Вероятно, привлекательным представлялось, что тейярдизм создает своеобразную новую экклесиологию, в которой церковь выступает как творческое начало, утверждает положительные идеалы, нормы нравственного контроля, отвергая при этом путь насильственной, тоталитарной политической силы [Там же, 52].

М.П. Новиков отмечал интерес богословов к работам К. Барта. Неоортодоксия Барта импонировала православным авторам идеями трансцендентности и непознаваемости Бога, отношения к догматике и Писанию, истолкованием веры. Привлекала мысль, что философия не является средством познания Бога, а христианство – не социальная доктрина, не моральное учение, а учение о спасении, о богочеловечестве, о бессмертии души и загробном воздаянии. Для бартианства богословие принадлежит церкви, поскольку вне ее оно может превратиться в философскую систему или историческую концепцию. Бартианство создавало церковное богословие, то есть не элитарную доктрину, не учение для отдельных групп, а массовое учение [Там же, 45]. Эти положения вполне соответствовали традиционным устоям православия, но в то же время не противоречили наметившимся модернизационным тенденциям.

Одним из новшеств стало также изменение отношения к нехристианским религиям. М.П. Новиков отмечает переоценку православными богословами роли христианства: «Канула в вечность мечта миссионеров начала XX столетия о том, что мир вскоре будет объединен, с одной стороны, цивилизацией, а с другой – религиозностью под руководством христианства» [Там же, 127]. Настало время для признания позитивной роли в развитии человечества не только христианства, но и иных религий. «Современное православное богословие, синтезируя различные концепции развития духовной жизни, сформулировало новую позицию, в соответствии с которой не только христианство, но и ислам, буддизм, иудаизм, индуизм – словом, все мировые и национальные религии обеспечивали в прошлом и обеспечивают сейчас развитие человеческой культуры» [Там же, 128]. Ввиду такой «толерантной» оценки иных религий и ранее «маргинальных» философских идей, актуальной становится тема обращения к фундаментальным основам собственной традиции с целью возможного переосмысления в ней некоторых догматических положений.

Заметной стала тенденция к новой интерпретации догматических представлений, например, догмата искупления. Еще будучи архиепископом, Сергей Страгородский

писал о необходимости пересмотра традиционной трактовки искупления, предлагая понимать догмат как освобождение от греха, обретение свободы от страстей, начало новой жизни. Эта мысль оказалась востребована в 1960-е гг. Такие богословы, как П. Гнедич и В. Талызин, отмечали, что идея ценности страданий, их очищающей силы, их способности одухотворить плоть чужда и непонятна современным людям. Гораздо ближе новая трактовка: искупление не расплата за грехи, а подвиг веры во имя свободы, равенства, счастья и справедливости [Шмайна-Великанова 2017, 16–17].

Переосмысливается в православии XX в. и положение о творении мира. «Творение сейчас рассматривается не как одномоментный акт, а как непрерывающийся процесс, в котором участвует и человек». Любая положительная деятельность человека трактуется как его соучастие в творении и обновлении мира. Правда, определяющая роль принадлежит отнюдь не человеку: социальные проблемы могут быть решены только людьми, озаренными светом подлинно христианской жизни [Там же, 65–66].

Новые аспекты появились в понимании сущности и назначения христианского аскетизма. Хотя все без исключения богословы считают, что назначением аскетизма, составляющим его психологическую и нравственную основу, является идея спасения, тем не менее подчеркивается, что современный аскетизм по преимуществу требует самоотдачи верующих в служении миру. Исправление собственных пороков достигается не уходом от мира, но, напротив, активным включением верующих в решение актуальных проблем. Это, по сути дела, провиденциализация тех явлений, которые прежде не считались имеющими непосредственное отношение к христианству [Там же, 65].

В 1970-е гг. стала переосмысливаться и экзегетика – и не в последнюю очередь под влиянием идей А.П. Лопухина, В.Н. Лосского, А.В. Карташева. В интерпретации текстов уходят наивный буквализм, пассивная или оборонительная позиция по отношению к современным вопросам. Преобладающими стали рассуждения о том, что Библия есть не только слово Божье, но и слово человеческое в их гармоничном сочетании, что необходимо различать буквальное содержание текстов Писания, их пророческий, догматический смысл как неизменный, абсолютный, обязательный и их символическое значение, понимаемое различно в разные исторические периоды. Библия не должна рассматриваться как научная энциклопедия, ее назначение не эвристическое, а догматическое, вероучительное.

Некоторые из рассмотренных Новиковым новаций в православном богословии 1970-х гг. получили наибольший резонанс в наши дни. Это касается прежде всего социальной проблематики. В 1970-е в сфере духовной культуры в целом, и в частности в богословских учениях подверглись пересмотру трактовки целого ряда социальных вопросов, таких как личность и общество, творческая активность и социальная мобильность, нравственная свобода и социальная ответственность. Активно обсуждалась новая тогда экологическая проблематика. Богословы оспаривали точку зрения А.Дж. Тойнби о причине близкой экологической катастрофы. Тойнби усматривал ее в христианском тезисе о господствующем положении человека – «венца творения». М.П. Новиков отмечал, что патриарх Алексий I, а также профессор Ленинградской Духовной академии Н.А. Заболотский отвергают служебное назначение природы и говорят о необходимости «принципами христианского аскетизма воспитывать в человеке чувство бережного отношения к среде своего обитания (“возделывайте и храните землю”), требовать сознательного воздействия на природу», чтобы «соединить рай с землей» [Там же, 133].

Значительное внимание уделялось проблеме соотношения науки и религии в православном учении. Исходным принципом православного богословия, как и протестантского, является концепция двух истин. Однако в обсуждаемый период особенно подчеркивалась приемлемость науки (естествознания) и для православного сознания. «В настоящее время в православии считается общепризнанным тезис о том, что естествознание не противоречит религиозной картине мира, а подтверждает ее. Пересмотрены некоторые прежние оценки конкретных научных фактов, в том числе и бывшие нападки на дарвинизм» [Там же, 108]. Эта тенденция, отмеченная Новиковым,

в настоящее время переросла в четко выстроенную концепцию отношения науки и религии, заявленную патриархом Кириллом в выступлении на встрече с учеными в Сарове 1 августа 2016 г.: «Можно сказать, что религия, наука и искусство – это разные способы постижения мира и человека, познания мира человеком. У каждого из них свой инструментарий, свои методы познания, они отвечают на разные вопросы. Наука, например, отвечает на вопросы “как” и “почему”. Религия – на вопрос “для чего”. В центре религиозного познания – проблема смысла жизни и отношения к смерти. Если наука занята вопросом о том, как на земле появилась органическая жизнь, то религия – для чего появилась жизнь. Наивно прочитывать книгу Бытия как учебник по антропогенезу, но равно контрпродуктивно искать в учебниках по биологии или физике ответ на вопрос о смысле жизни» [Патриарх Кирилл, 2016]. Здесь изложен современный вариант теории двух истин.

М.П. Новиков не только исследовал содержание религиозных учений, но и выражал собственное мнение по поводу затрагиваемых тем. Он полагал, что наука и религия – две непересекающиеся области отражения мира. «Научное познание принципиально отличается от всех других форм освоения действительности и не имеет ничего общего с такой иллюзорно-фантастической формой, как религия. Более того, будучи логически обоснованным, практически проверенным отражением реальной действительности, наука по своей природе непримирима ко всему тому, что предлагается принять на веру путем мистического озарения, интуиции, созерцания» [Новиков 1979, 28]. Интересно, что ту же мысль, только с другой стороны, высказал патриарх Кирилл. Утверждение, что наука и религия не просто дополняют друг друга, но и нужны друг для друга, он назвал «популярным заблуждением», «чрезмерным упрощением реальных взаимоотношений, существующих между наукой и религией», «ошибкой». Наука не является квазирелигией, а религия квазинаукой. Наука не может стать средством обоснования догматики. «Если бы Истина религии открывалась величию разума, то христианство было бы иным. Евангелие же говорит нам нечто другое: Блаженные чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5:8)» [Патриарх Кирилл 2016].

«Различие научного и религиозного аппаратов и невозможность их механического “сопряжения” отнюдь не означает их абсолютной несовместимости», но они дополняют друг друга лишь «в общей картине наших знаний о мире, делают ее объемной и яркой», так как «наука отвечает на свои вопросы, а религия – на свои» [Там же]. Далее патриарх Кирилл назвал ложным тезис, согласно которому наука ответственна за секуляризацию общества. Во-первых, современная наука сформировалась в культурном контексте европейской религиозно-философской мысли, связанной с христианской метафизикой. Именно монотеистическая идея содержала возможность попытаться постичь человеческим разумом данные Единым Богом-Творцом законы. Во-вторых, причиной секуляризации является не собственно научное развитие, а апеллирующая к нему идеология, связанная с просвещенческим культом разума и позднее приобретшая форму сциентизма, полагающего науку наивысшей культурной ценностью, способом разрешения любых вопросов бытия.

В связи с этими высказываниями можно напомнить некоторые наблюдения М.П. Новикова. Он отмечал, что богословам всегда было свойственно преувеличивать роль христианской религии и церкви в истории, в ущерб рассмотрению всего сложного взаимодействия детерминаций. Кроме того, он говорил об акцентированном теоцентризме как отличительной черте православия. Конечно, при всех современных веяниях для православного учения всегда принципиальным останется теоцентризм, не совместимый ни со сциентизмом, ни с какой-либо иной мировоззренческой доминантой. «Для православных богословов процесс познания достигает своего истинного назначения только в том случае, если позволяет обрести высший синтез всего многообразия окружающей действительности в Боге. Что же касается обычного познания, то оно представляет только начальную ступень осмысления действительности, далеко не всегда позволяющую проникнуть в суть вещей и явлений. Подобное ограничение познавательных возможностей разума составляет ядро всякой религиозной гносеологии»

[Новиков 1979, 80]. Теоцентричность присутствует как главный посыл в рассмотрении любого вопроса человеческого бытия. Даже говоря о высокой ценности свободы человека, православное богословие сводит понятие свободы к свободе воли, которая также обуславливается отношением к Богу [Там же, 65].

В заключение попытаемся обозначить те идеи М.П. Новикова, которые выходят за рамки анализа современного православия и, на наш взгляд, оказываются востребованы сегодня во многих областях научного религиозноведческого поиска.

Во-первых, методологически и теоретически перспективно предложенное Новиковым описание модели развития религиозного сознания в соотношении с модернизационными процессами, основой которых являются определенные социальные обстоятельства. Модель применима не только к православию и не только к XX в. «Общая тенденция обновления религиозной идеологии вызвана не субъективными пожеланиями богословов, иерархов и религиозных центров. Это объективный процесс, всецело определяемый характером новых общественно-исторических условий, трансформацией массового сознания верующих и – как следствие – кризисом религии. В свою очередь, модернизированные религиозные представления оказывают обратное воздействие на сознание верующих. Модернизация позволяет проецировать современные представления верующих о мире сквозь призму основополагающих догматических представлений и тем самым выполняет по отношению к религии стабилизирующую функцию» [Там же, 152].

Во-вторых, М.П. Новиков предостерегает исследователей от преувеличения роли нравственных установок в ущерб другим обстоятельствам при анализе современной религии, поскольку сами богословы уделяют не меньшее внимание другим проблемам, в том числе доказательству истинности религиозной картины мира [Там же]. Развивая эту мысль, хочется отметить, что любая редукция в описании религии – социологическая, психологическая, когнитивистская, этическая – требует очень осторожного применения.

В-третьих, актуальны взгляды М.П. Новикова на религиозную трактовку социальных и исторических вопросов. Поскольку в настоящее время интерпретация истории, особенно российской, стала одной из наиболее острых проблем, следует обратить внимание на то, какие выделены «родовые черты», присущие православному учению о социальных процессах. Новиков сформулировал следующие общие особенности православной социальной доктрины:

Во-первых, в богословской трактовке общественной жизни социальные явления преломляются сквозь призму исходных догматических представлений. Конкретные явления общественной жизни соотносятся с божественным промыслом, предопределением, трансцендентной обусловленностью исторического процесса, хотя, конечно, современные православные богословы уже не сводят их непосредственно к тому или иному догмату, как это делалось в прошлом;

Второй отличительной чертой православных социальных концепций является тезис о непосредственной зависимости между характером социальных отношений и религиозностью данного общества». Социальным идеалом является организация людей, которая сохраняет гармоническое единство с Богом;

Третья характерная черта православной трактовки исторического процесса состоит в подмене социальной проблематики нравственной... Все формы личной и общественной жизни представляют собой различное воплощение вечных нравственных идей;

Четвертой характерной чертой религиозно-богословского понимания общественной жизни является проекция на историю эсхатологических идей... социальное богословие ставит историческую перспективу в непосредственную зависимость от божественной воли [Там же, 62–63].

Представляется, что эти положения могут помочь как при изучении современной социальной концепции православной церкви и иных церквей, так и при сравнительном

анализе светских и христианских исторических трудов. Полезно для многих современных авторов напоминание об историческом контексте религиозных явлений. «Православные идеологи много говорят об особой роли церкви в истории русского народа. Но совершенно неправомерно распространять современные социальные доктрины и политическую ориентацию русской православной церкви на всю ее историю» [Новиков 1979, 63].

Конечно, не все выводы М.П. Новикова со временем подтвердились. Например, он отвергал предположение зарубежных религиоведов о возможности религиозного ренессанса в нашей стране [Там же, 12]. В 1991 г. Новиков писал: «Юбилейные торжества (в связи с 1000-летием крещения Руси. – *И.Е.*) показали, что нынешний период в истории религии нельзя оценивать как все возрастающий и углубляющийся кризис. Разумеется, далекий от реальности и утверждения о современном религиозном Ренессансе». «Реальный рост религиозно-церковной активности, наблюдаемый в последние годы, происходит на фоне социальной, трудовой и общественной апатии, безразличия и неверия в перспективы и идеалы... В нашей стране церковь отделена от государства, но она не может быть отделена от общества... Религиозные организации сейчас акцентируют внимание не столько на вероучительных, сколько на функциональных проблемах [Новиков 1991, 160].

Оценивая вслед за Марксом религию прежде всего как отражение общественных отношений, М.П. Новиков меньше внимания уделял иным аспектам религии в истории. Привлекая исторические данные к обоснованиям теоретических положений, он находился на уровне развития исторической науки своего времени. Современному читателю многие его оценки социальных процессов, роли религии в обществе, особенностей развития и перспектив православия, критическая интерпретация богословских тезисов могут показаться чересчур резкими и идеологизированными, а используемая лексика устаревшей. Все это, однако, не умаляет научного значения трудов М.П. Новикова.

Ссылки – References in Russian

Новиков 1979 – *Новиков М.П.* Тупики православного модернизма (Критический анализ богословия XX века). М.: Политиздат, 1979.

Новиков 1991 – *Новиков М.П.* Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. М.: МГУ, 1991.

Патриарх Кирилл 2016 – Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с учеными в Сарове. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4580022.html>

Шмайна-Великанова 2017 – *Шмайна-Великанова А.И.* Теологию можно преподавать, но не следует внедрять // Троицкий вариант. № 25. 19 декабря 2017.

References

Novikov, Mikhail P. (1979) *Deadlocks of Orthodox modernism (A critical analysis of theology of the 20th century)*, Politizdat, Moscow (in Russian).

Novikov, Mikhail P. (1991) *Christianization of Kievan Rus: a methodological aspect*, Moscow University, Moscow (in Russian).

Patriarch Kirill (2016) *Word of His Holiness Patriarch Kirill at a meeting with scientists in Sarov*, <http://www.patriarchia.ru/db/text/4580022.html>

Shmaina-Velikanova, Anna I. (2017) “Theology can be taught, but should not be introduced”, *Troitsky Variant*, No. 25, December 19, 2017 (in Russian).

Сведения об авторе

ЕРШОВА Ирина Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Authors' Information

ERSHOVA Irina I. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.